



**Есть скафандр —  
ГОТОВ путешествовать**



*Посвящается Гарри и Барбаре Стайн*

## Глава I

У меня есть космический скафандр! Космический! Настоящий!  
А это история о том, как я им обзавелся и через что в нем прошел.

— Пап, — сказал я однажды, — я хочу слетать на Луну.

— Валяй, — ответил отец и вновь уткнулся в книжку.

Он опять перечитывал «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома. Он ее, ей-богу, уже наизусть выучил.

Я уточнил:

— Пап! Я серьезно.

На сей раз он заложил книжку пальцем и невозмутимо произнес:

— Я же сказал: «Валяй!» Отправляйся.

— Ага... но как?

— Как? — Он, кажется, слегка удивился. — Ну, это уж ты сам думай, Клиффорд.

Вот такой у меня папа. Когда я сказал ему, что хочу купить велик, он точно так же буркнул, даже не взглянув на меня: «Валяй», и я отправился в гостиную, чтобы взять из корзинки денег на велосипед.

Но там оказалось всего-то одиннадцать долларов и сорок три цента, и велосипед мне достался примерно через тысячу миль скошенных газонов. С папой говорить на тему денег бесполезно, потому что если уж в корзине их нет — то нигде нет. Папа не связывался с банками; деньги складывались в корзинку, да рядышком еще стояла одна — с надписью «Дядя Сэм». Ее папа раз в год опорожнял и все содержимое отправлял по почте правительству. Службу внутренних доходов этой манерой он просто доводил до бешенства, и однажды она прислала своего человека, чтобы разобраться.

Вскоре чиновник ошалел.

— Доктор Рассел... нам, конечно, известны ваши былые заслуги... но это ведь не основание пренебрегать налоговой отчетностью!

— Да я и не пренебрегаю, — ответил папа. — Все тут. — Он постучал себя по лбу.

— По закону положено — в письменной форме.

— Еще чего! — хмыкнул папа. — Закон, кстати, не требует, чтобы я был грамотным. Кофе?

Посетитель уговаривал расплачиваться чеками или по безналичному расчету. Папа прочел ему надпись на долларовой купюре: «Является законным платежным средством по всем долгам, общественным и частным».

Вконец отчаявшись извлечь хоть какой-то прок из своего визита, чиновник убедительно попросил папу не заполнять графу «род занятий» словом «шпион».

— А почему нельзя?

— Что значит — почему? Вы же не шпион — так людей-то не смущайте.

— А ФБР вы запрашивали?

— Э-э-э... нет.

— Впрочем, там все равно не ответят. Но вы были так любезны, что я, пожалуй, буду писать «безработный шпион». Устроит?

Налоговый инспектор чуть не забыл свой портфель. С папой спорить бесполезно, он за свои слова отвечает и ни при каких обстоятельствах не идет на попятный.

И когда он сказал, что на Луну я лететь могу, а как — дело мое, именно это и имелось в виду. Я могу отправляться хоть завтра, если меня возьмут на корабль.

Впрочем, отец задумчиво добавил:

— Сынок, на Луну можно попасть не единственным путем. Испытай все возможности... Вот как в этой книжке. Нужно открыть банку ананасов, а Гаррис забыл открывалку в Лондоне. И они пробуют разные способы.

Он принялся увлеченно цитировать, а я улизнул — я слышал этот кусок раз пятьсот. Ну ладно, три сотни.

Я отправился в сарай, где у меня была мастерская, и принялся размышлять об этих способах. Первый: поступить в Летнюю академию в Колорадо-Спрингс. При соблюдении ряда условий — что я поступлю, что я окончу, что меня возьмут в Космический корпус



Федерации — есть некий шанс распределиться на Лунную базу. Или хотя бы на одну из орбитальных станций.

Еще вариант: выучиться на инженера, получить работу, связанную с реактивными двигателями, пробиться на такое место, откуда можно полететь на Луну... Десятки, а может, и сотни инженеров побывали на Луне, их там и сейчас полным-полно — электронщики, криогенщики, металлурги, специалисты по керамике, по кондиционированию воздуха — ну и, само собой, ракетчики.

Впрочем... из миллиона инженеров на Луну попадает горстка. Н-да... В детстве мне даже в «Почте», игре на поцелуи, редко удавалось поучаствовать.

Еще можно стать военным врачом (юристом, геологом, инженером-инструментальщиком...) и болтаться на Луне, причем за хорошую зарплату — если только ты сумел стать незаменимым. Мне на зарплату наплевать; но как достичь вершины в выбранной специальности?

И есть еще один незамысловатый способ — подкатить к билетной кассе тачку с деньгами. Правда, денег у меня было восемьдесят семь центов.

Но мысли о Луне меня не оставляли. Космосом в нашей школе бредила половина ребят, другая половина притворялась, что им все равно (шансов, мол, никаких!), да была еще горстка зануд, которые бы не покинули Землю ни за какие коврижки. Мы долго на эту тему дискутировали, и кое-кто объявил, что умрет, а слетает.

Я помалкивал, но тут «Американ экспресс» и «Кук и сын» предложили всем желающим лунный туризм! Я увидел их рекламу в «Нэшнл джиогрэфик» в стоматологической клинике, когда сидел в очереди на чистку зубов. В этот миг я стал совершенно иным человеком.

Мысль о том, что любой толстосум может просто выложить деньги на бочку и отправиться в круиз, была невыносима.

Я просто обязан лететь. И я не смогу заплатить — во всяком случае, в обозримое время, — так что не стоит и думать о деньгах. Что же сделать, чтобы меня отправили?

Все знают истории про парней, бедных, но честных, которые в финале всего добиваются, потому что они умнее всех в округе, а может, и в стране. Но это не про меня.

Среди выпускников я входил в первую четверть по успеваемости, но за это не дают стипендию в Массачусетском технологиче-

ском институте — во всяком случае, выпускникам Сентервиллской средней школы. Это факт — наша школа не из лучших. Посещать ее было интересно — мы чемпионы лиги по баскетболу, и наша группа заняла второе место в штате по кадрили, а по средам у нас танцы. То есть с традициями все в порядке.

А вот с учебой похуже.

Упор делается на то, что наш директор мистер Хэнли называет «подготовкой к жизни», а не на тригонометрию. Может, к жизни это и готовит — но уж точно не к Калифорнийскому техническому университету.

Я не сам дошел до этой мысли. В прошлом году притащил домой анкету для нашего группового социологического проекта «Семейная жизнь». Одним из вопросов было: «Как организован ваш семейный совет?»

За обедом я спросил:

— Пап, как организован наш семейный совет?

Мама сказала:

— Не мешай отцу, солнышко.

Но папа заинтересовался:

— А? Дай-ка сюда.

Он прочел анкету — и велел мне принести учебники. Дома у меня их не было, так что папа послал за ними в школу. К счастью, она была открыта, шли репетиции Осеннего бала. Папа редко командовал, но уж коли отдал приказ — умри, а исполни.

Программа в тот семестр у меня была отличная: обществоведение, коммерческая арифметика, практический английский (класс выбрал тему «Сочинение лозунгов», было очень весело), труд (мы мастерили декорации для бала) и физкультура — то есть в моем случае баскетбол; для основной команды я был низковат, но надежному запасному в выпускном классе дают рекомендацию в университетскую команду. В общем, в школе у меня все было нормально, и я это знал.

Папа прочел мои учебники за ночь; он вообще быстро читает. В анкете я написал, что у нас в семье неформальная демократия; это сошло. Все стали обсуждать, должен ли председатель совета ротироваться или избираться и каков правовой статус у дедушки, живущего в семье. Решили, что дедушка может входить в совет, но не может быть председателем. Потом мы сформировали подкомиссии по выработке конституции идеальной семьи, чтобы представить эту конституцию нашим семьям как результат исследований.

В школе несколько дней крутился папа, что меня беспокоило, — когда предки проявляют излишнюю активность, они явно что-то замышляют.

В субботу вечером папа позвал меня в кабинет. На столе у него возвышалась стопка учебников и полный учебный план Сентервиллской средней школы, от американских народных танцев до естествознания. На нем была размечена моя программа, и не только на текущий год, но и на два года вперед, как распланировали мы с моим классным руководителем.

Папа воззрился на меня невинным кузнечиком и ласково спросил:

— Кип, а в колледж ты поступать собираешься?

— Ха! Ну конечно, пап!

— Каким образом?

Я растерялся. Вообще-то, догадывался, что это стоит денег. И хотя бывало, конечно, что долларовые бумажки переполняли корзину, обычно ее содержимое можно было пересчитать очень быстро.

— Ну, не исключено, что я получу стипендию. Или буду подрабатывать.

Он кивнул:

— Не сомневаюсь... если захочешь. Денежные проблемы всегда решаемы, бояться их не надо. Но когда я спросил «каким образом?», я имел в виду вот это.

Он постучал по своему черепу.

Я просто обалдел.

— Но если я окончу школу, пап, — я же поступлю в вуз.

— Может быть, поступишь. В университет нашего штата, или в сельскохозяйственный колледж, или в педагогическое училище. А ты знаешь, Кип, что на первом курсе вылетает сорок процентов студентов?

— Я не вылечу!

— Может, и не вылетишь. Но скорее — вылетишь, если выберешь любую серьезную специальность: инженерное дело, естествознание или медицину. Ты вылетишь, если твоя подготовка ограничится вот этим. — Он потряс программой.

Я остолбенел.

— Но у нас отличная школа, пап. — Я попытался припомнить, что нам говорили на лекции Учительско-родительской ассоциации. — «Система преподавания основана на новейших научных разработках, одобрена психологами и...»



— ...и обеспечивает шикарные зарплаты высококвалифицированным педагогическим кадрам. Учебные проекты выявляют практические проблемы человечества и ориентируют ребенка на жизнедеятельность в демократическом обществе, готовят его к решению жизненных проблем в сложных современных условиях. Прости, сынок; я разговаривал с мистером Хэнли, он простоватый человек и говорил без лукавства... Для достижения этих благородных целей мы тратим больше денег в расчете на одного учащегося, чем любой другой штат, кроме Калифорнии и Нью-Йорка.

— Ну... и что в этом плохого?

— Что такое абсолютный причастный оборот?

Я не ответил.

— Почему Ван Бюрен проиграл перевыборы? Как извлечь кубический корень из восьмидесяти семи?

Ван Бюрен когда-то был президентом, это все, что я про него помнил. Но на последний вопрос я ответил:

— Чтобы извлечь кубический корень, надо посмотреть таблицу в конце учебника.

Папа вздохнул.

— Сынок, ты что, думаешь, эту таблицу принес с неба архангел? — Он скорбно покачал головой. — Это я виноват, не ты. Мне бы раньше подумать... Но я полагал — раз ты любишь читать, быстро считаешь, умеешь работать руками, то с образованием у тебя все в порядке.

— А разве нет?

— Конечно нет. Кип, Сентервиллская средняя — замечательное заведение, его хорошо оборудовали, грамотно организовали, содержат в чистоте. Это не «школьные джунгли», и ученикам, по видимому, все нравится. Но это, — папа со злостью хлопнул по программе, — болтовня! Мышиная возня! Трудотерапия для слабоумных!

Я не знал, что и сказать. Папа нахмурился, сел и выдал:

— По закону ты должен посещать школу до восемнадцати лет или сдать экстерном.

— Да, сэр.

— Ваша школа — пустая трата времени. В ней даже самая сложная программа не нагрузит твои мозги. Но иначе придется отослать тебя в другой город.

— Наверное, это кучу денег стоит.

Мое замечание он пропустил мимо ушей.

— Частные школы я не одобряю, мальчишка должен жить в семье. Конечно, в престижной частной школе где-нибудь на востоке тебя натаскают для поступления в Стэнфорд или Йель, да в любой из лучших университетов. Но там легко нанюхаться этих веяний — дурацких идей насчет денег, карьеры, модного портного... Я в свое время несколько лет избавлялся от этой дури. Мы с твоей матерью не случайно выбрали маленький городок, чтобы ты провел в нем детство.

Я вздохнул с облегчением.

— Вот ты хочешь поступать в колледж. Собираешься ли получить профессию? Или предпочтешь краткосрочные курсы по новейшим способам изготовления свечек из восковницы? Сынок, это твоя жизнь, и ты можешь делать с ней все, что хочешь. Но если намерен поступить в хороший университет и заниматься чем-нибудь стоящим, то мы должны решить, как лучше потратить следующие три года.

— Ну конечно, пап! Только в хороший...

— Скажешь, когда все обдумаешь. Спокойной ночи.

Я думал целую неделю. И начал понимать, что папа прав. Наш проект «Семейная жизнь» — чепуха. Что ребята знают о семейных проблемах? Да если на то пошло, что знает о них наша классная дама мисс Финчли, незамужняя и бездетная? Класс единодушно решил, что у каждого ребенка должна быть собственная комната и деньги на карманные расходы, «чтобы научиться с ними обращаться». Здорово, конечно, но... как быть с семьей Квинлан, где девять детей в доме из пяти комнат? Глупости все это.

Коммерческая арифметика была не такой ерундой, но все равно не стоила потраченного времени. В первую же неделю я прочел весь учебник, а потом только плевал в потолок.

Папа перевел мое внимание на алгебру, испанский язык, общее естествознание, английскую грамматику и риторику; от прежней программы только физкультуру и оставил. Но и теперь было нелегко справиться с нагрузкой — в учебниках хватало воды.

Тогда папа завалил меня другими книгами и сказал:

— Клиффорд, ты бы давно знал все это, если бы не застрял в яслях для переростков. Усвоишь — сдашь вступительные экзамены в колледж. Может быть.

После этого папа от меня отстал. Как он и обещал, выбор был за мной. Я едва не завяз в книгах — они были трудные, не та легкоусвояемая кашка, которой кормили в школе. Если вы думаете, что



самостоятельно учить латынь — плевое дело, то попробуйте этим заняться — и убедитесь, как глубоко заблуждались.

Я впал в отчаяние и чуть не опустил руки, но потом разошелся и втянулся. Вскоре обнаружил, что после латыни легче учиться испанский и наоборот. Когда мисс Эрнандес, наша испанка, узнала, что я учу латынь, она взялась помогать. Я не только осилил Вергилия, но и по-испански стал говорить не хуже иного мексиканца.

Из математики наша школа предлагала только основы алгебры и планиметрию. Я самостоятельно прошел высшую алгебру, стереометрию и тригонометрию. Для поступления в колледж этого бы хватило, но математика затягивает почище семечек. Аналитическая геометрия куда труднее греческого языка, пока не разберешься, зато потом, если знаешь алгебру, все вдруг встает на свои места, и до конца учебника летишь как на крыльях. Полный отпад!

Потом дело дошло до дифференциального и интегрального исчисления, а когда я заинтересовался электроникой, понадобился векторный анализ. Единственным естественно-научным предметом у нас в школе было общее естествознание, и было оно воистину общим — на уровне воскресного приложения к газете. Но когда прочтешь что-то интересное по химии или физике, хочется заняться и этим. В нашем сарае я устроил фотохимическую лабораторию, электронный стенд и даже любительскую радиостанцию. Мама разнервничалась, когда от взрыва вылетели стекла и возник небольшой пожар, но папа остался невозмутим. Он только посоветовал не синтезировать взрывчатые вещества в деревянных строениях.

В выпускном классе я сдал экзамены по вступительной программе колледжа.

Именно в том году ранней весной я и заявил, что хочу полететь на Луну. Идея окончательно оформилась после объявления о туристских полетах, однако я «сдвинулся на космосе» много раньше — с тех пор, как стало известно, что Федеральный космический корпус возвел базу на Луне. А может, и еще раньше. Я поделился планами с папой; он мог что-нибудь посоветовать. Понимаете, папа всегда находил способ доводить дело до конца.

Когда я был маленьким, мы все время переезжали — из Вашингтона в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса еще куда-то — и жили обычно в гостиницах. Папа постоянно улетал по делам, а когда бывал дома, к нему потоком шли посетители; видел я его мало. Позже

мы перебрались в Сентервилл, и он всегда сидел дома, погруженный в книгу или в работу за письменным столом. Если кто-то хотел с ним увидеться, то должен был приехать к нам.

Однажды, когда денежная корзина была пуста, папа сказал маме, что ожидается «августейший визит». В тот день я не отходил от родителей. Мне было восемь лет, и я никогда не встречал человека с королевской кровью в жилах. Вот прибыл гость, и я страшно разочаровался, не увидев на нем короны. Но на следующий день в корзине появились деньги, и я, совсем недавно прочитавший книжку «Маленький хромой принц»<sup>1</sup>, решил, что августейшая особа приезжала инкогнито и вручила папе кошелек с золотом. Только через год я узнал, что папа подразумевал роялти — это плата за использование патента, или торговую марку, или авторских прав на книгу, и жизнь потеряла часть красок. Но тот гость, хоть и не был королем, считал, что может заставить папу делать то, чего хочет он, а не то, чего хочет папа.

— Доктор Рассел, я согласен — в Нью-Йорке ужасный климат. Но в ваших кабинетах будут кондиционеры.

— А также часы. Секретарши. И звукоизоляция.

— Все, что хотите, доктор.

— В том-то и дело, господин секретарь, что не хочу. В моем доме нет часов. Нет календарей. Когда-то у меня были большие деньги и большая язва; теперь у меня маленький доход и здоровый желудок. Я остаюсь здесь.

— Вы нужны нашему делу!

— Но не наоборот. Съешьте еще кусочек мясного пирога.

Папа не собирался лететь на Луну, и я должен был обойтись своими силами. Я обложился буклетами колледжей и начал поиск инженерных факультетов. У меня не было ни малейшего представления о том, как я буду платить за обучение или хотя бы проживание, — первой задачей было поступить на серьезный факультет с солидной репутацией.

Если провалюсь, можно будет пойти в летные войска, — глядишь, и удастся получить назначение на Луну. Не возьмут и в авиацию — попробую стать военным электронщиком. На Лунной

---

<sup>1</sup> «Маленький хромой принц» («The Little Lame Prince») — повесть американской детской писательницы Дины Марии Мьюлок Крэйк, впервые опубликованная в 1875 г.



базе пользуются радарам и астрофизической техникой. Так или иначе на Луну я попаду.

На следующее утро за завтраком папа спрятался за «Нью-Йорк таймс», а мама читала «Геральд трибьюн». Мне достался «Сентервиллский горн», но в него только селедку заворачивать. Папа глянул на меня поверх своей газеты:

— Клиффорд, тут кое-что по твоей части.

— Хрр? — подавился я кукурузными хлопьями.

— Не хрюкай, это дурной тон, а ты еще не настолько взрослый. Читай. — И он протянул мне газету.

Там была реклама мыла.

Старый как мир трюк — гигантский, нет, суперколоссальный конкурс с призами. Тысяча призов, и сотня из них — годовой запас мыла «Звездный путь».

А потом я пролил завтрак на колени.

Первым призом было...

*...ПОЛНОСТЬЮ ОПЛАЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!*

Так и было написано, с тремя восклицательными знаками, — только для меня там стояло двадцать восклицательных знаков, а вокруг рвались снаряды и пели херувимы.

*Просто закончите фразу (в ней должно быть не более двадцати пяти слов): «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...» — и пришлите нам эту фразу на обертке от мыла или на ее четкой фотокопии...*

Еще там что-то говорилось о совместном проекте «Американ экспресс» и «Кук и сын», о сотрудничестве с ВВС США и перечислялся список призов поменьше. Но пока кукурузные хлопья с молоком пропитывали мои брюки, перед глазами стояло одно: «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЛУНУ!!!»

## Глава 2

Сначала я взлетел на седьмое небо от восторга, затем рухнул в бездну отчаяния. В конкурсах мне сроду не везло. Я вообще невезучий — даже когда покупал «Крекер Джек», мне попадалась именно та коробка, в которую забыли положить игрушку. И если я когда-нибудь...

— Стоп! — сказал папа.

Я осекся.

— Понятия «везение» не существует. Есть только адекватная или неадекватная подготовка к существованию в статистической вселенной. Ты собираешься этим заняться?

— Я-то?

— Надо полагать, это означает «да». Что ж, тогда придется крепко попотеть.

Я принялся потеть, а папа не отказывался от помощи, не предлагал мне съесть еще кусочек мясного пирога. По ходу дела он следил, чтобы я не забросил все остальные предметы. В том семестре я разослал в несколько вузов заявления о поступлении. А пока ждал ответа, после занятий подрабатывал в аптеке «Чартон фамэси» — продавал газировку и попутно штудировал фармакологию. Конечно, мистер Чартон заботился о том, чтобы я не притрагивался к препаратам без упаковки, но все же я немало узнал о составе и номенклатуре лекарств, запомнил предназначение многих антибиотиков и уяснил, с какими веществами надо быть осторожным. Так я добрался до органической химии с биохимией, и хозяин дал мне почитать Уокера, Бойда и Азимова. Биохимия сложнее атомной физики, но со временем я и в ней начал разбираться.

Мистер Чартон, старенький вдовец, свою жизнь посвятил фармакологии. Он намекал, что рано или поздно кто-то может унаследовать его аптеку, какой-нибудь молодой человек с научной степенью фармаколога и интересом к этой профессии. Говорил, что мог бы посодействовать с обучением. Если бы он посулил мне открыть аптеку на Луне, я бы, пожалуй, клюнул.

Но моей целью был космос, и я твердо решил стать инженером.

Услышав это, мистер Чартон не поднял меня на смех. Он сказал, что, возможно, я прав, но не стоит забывать: куда бы ни забрался человек — на Луну, на Марс или на самые далекие звезды, — аптеки и аптекари понадобятся и там. Потом он выкопал из своих залежей несколько книг по космической медицине: Страгхолд, Хейбер, Стэпп и другие авторы.

— Когда-то и я подумывал об этом, Кип, — глядя в сторону, бросил он. — Но теперь уже слишком поздно.

По большому счету мистера Чартона интересовали только лекарства, но у нас продавался весь традиционный ассортимент американской аптеки, от велосипедных камер до наборов для завивки волос в домашних условиях.

Ну и мыло, конечно. В тот день, придя на работу, я не мог не рассказать о конкурсе и награде.

«Звездный путь» расходился из рук вон плохо: Сентервилл — городок консервативный, чурающийся новых брендов; бьюсь об заклад, некоторые старожилы сами варят мыло. Но мистер Чартон все же нашел две заплывшие коробки и выставил их на прилавок. А затем позвонил в Спрингфилд поставщику.

Он действительно мне помог. Он снизил цену на «Звездный путь» почти до оптовой. Он расхваливал мыло перед покупателями — и почти каждого уговорил оставить обертку. Я же выстроил на стойке с газировкой, по обеим сторонам от крана, пирамиды из «Звездного пути». Покупатели угощались кока-колой — а я разливался соловьем о старом добром мыле, которое моет до дыр, напичкано витаминами, увеличивает шансы на Царствие Небесное, дает пышную пену, мягко и нежно действует на кожу и не нуждается в Пятой поправке для защиты своей чести и достоинства. Я потерял всякий стыд! Без мыла от меня уходил разве что глухой или быстроногий.

И только фокусник мог, купив «Звездный путь», оставить меня без обертки. Взрослых я старался уболтать, детей иногда подкупал — платил цент. Кто приносил обертки из других магазинов, получал десять центов за дюжину. Правила разрешали послать сколько угодно рекламных лозунгов на обертках от мыла или их фотокопиях. Я хотел было напечатать уйму фотокопий, но папа отсоветовал:

— Конечно, это в пределах правил, Кип... но не припомню случая, чтобы на пикнике были рады скунсу.

Так что я собирал обертки и на каждой надписывал:

«Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...

*...оно придает незабываемую свежесть;*

*...лучше „Звездного пути“ в мире мыла не найти;*

*...его качество не ниже, чем звезды;*

*...оно отмывает до блеска Млечного Пути;*

*...оно обеспечивает стерильность, которой позавидует космический вакуум;*

*...от него ты свеж, как воздух после грозы».*

И так далее, без конца. Даже во сне я ощущал вкус мыла.

Добро бы я один мучился — папа, мама и мистер Чартон тоже сочиняли рекламные фразы. Я завел блокнот, чтобы записывать лозунги в школе, на работе и даже среди ночи. Однажды, придя



домой, обнаружил, что папа соорудил картотеку. Я расставлял карточки в алфавитном порядке, чтобы не повторяться. Это была хорошая идея. Под конец я отсылал до сотни оберток в день. Почтовые расходы били по карману, не говоря уже о том, что мне приходилось платить за часть оберток.

Другие ребята из нашего городка, а может, и кое-кто из взрослых, тоже участвовали в конкурсе, но только я додумался поставить дело на поток. Я приходил домой в десять с дневным урожаем оберток и лозунгов, присовокуплял к ним полученные у родителей, оттискивал на обертках с внутренней стороны штемпель «Я пользуюсь мылом „Звездный путь“, потому что...», вписывал мой адрес и имя-фамилию. Папа заносил эти лозунги в картотеку. Утром по дороге в школу я заходил на почту с очередной бандеролью.

Взрослые надо мной посмеивались, но с обертками расставались охотно. Шутники — охотнее всех.

Кроме остолопа Квиггла по кличке Туз. Хотя я не назвал бы его взрослым. Это был этакий переросток, малолетний преступник. Наверное, в каждом городке найдется хотя бы один такой Туз. Школу он так и не окончил, хотя мистер Хэнли переводил из класса в класс почти любого, считая, что оставлять на второй год непедагогично. Сколько я помню, Квиггл околачивался на Мэйн-стрит, иногда подрабатывал, чаще просто слонялся.

Туз любил «шутить».

Однажды он застрял у моей стойки. Выпил стакан солодовой газировки за тридцать пять центов, а пространства и времени занял доллара на два. Я как раз уговорил старенькую миссис Дженкинс купить десять кусков мыла и избавил ее от оберток. Только она отошла, как Туз цапнул кусок с витрины и сказал:

— Продаешь мыло, космический кадет?

— Точно, Туз. Отличный товар.

— Куда намылился, капитан? Или правильной коммодором тебя называть? Неужто на Луну? Га! Га! Га! — У Туза смех как у персонажей комиксов.

— Может быть, — вежливо сказал я. — Берешь?

— А ты уверен, что это стоящее мыло?

— Абсолютно.

— Ладно, куплю штучку. Только для того, чтобы от тебя избавиться.

Вот же скотина! Но вдруг именно эта обертка выиграет?



— Отлично, Туз, спасибо большое. — Я принял деньги, он опустил кусок мыла в карман и повернулся к выходу. — Секунду, Туз. Можно обертку?

Он остановился.

— Чего-чего? — Он вытащил мыло, снял обертку. — Ее, что ли?

— Да, Туз. Спасибо...

— Сейчас увидишь наилучшее применение этой бумажки. — Он взял со стеллажа для сигарет зажигалку, поджег обертку, прикурил от нее сигарету, подождал, пока обертка стгорит почти до пальцев, бросил и растер ногой.

Мистер Чартон наблюдал за нами, стоя у окна.

Туз ухмыльнулся:

— Ну, что скажешь, космический кадет?

Я стиснул совок для мороженого. Но ответил спокойно:

— Да ничего, Туз. Это ведь твое мыло.

Мистер Чартон приблизился и произнес:

— Кип, там нужно коробки распаковать. Иди, я присмотрю за твоей стойкой.

Пожалуй, только эта обертка мне и не досталась.

Конкурс заканчивался первого мая, в аптеке залежалась коробка мыла, и папа с мистером Чартоном решили, что она моя. С обертками я провозился почти до одиннадцати, и мистер Чартон отвез меня в Спрингфилд, чтобы на почте их успели проштемпелевать до полуночи.

Я отослал 5782 лозунга. Вряд ли Сентервилл еще когда-нибудь в своей истории был настолько чист.

Результаты объявили четвертого июля. За эти девять недель я сгрыз ногти до локтей. А жизнь шла своим чередом. Я окончил школу, родители подарили мне часы, выпускники промаршировали перед мистером Хэнли и получили аттестаты. Мне было радостно, хотя то, что я выучил под папиным контролем, отличалось от школьной программы как небо от земли. Все прошло замечательно, был и общешкольный пикник, и прощальный вечер класса, и выпускной бал, и спектакль, поставленный выпускниками, и утренник для выпускников, и совместное гулянье первоклассников и старшеклассников, и все остальные трюки, придуманные, чтобы удерживать в рамках приличий юнцов, впервые в жизни почувствовавших вкус свободы.

Мне случалось отпрашиваться у мистера Чартона пораньше, но редко — голова была занята другим, да и с кем гулять? В начале года было с кем, но Элайн Макмерти предпочитала говорить о пар-

нях и тряпках, а я — о космосе и инженерном деле. Так что вскоре она мне дала отставку.

Окончив школу, я перешел к мистеру Чартону на полный рабочий день. Я все еще не определился насчет колледжа. Да и не думал об этом, только продавал мороженое-сандэ и с замиранием сердца ждал четвертого июля.

Результаты конкурса должны были объявить по телевизору в восемь вечера. Наш телик, черно-белый, с плоской картинкой, не включался месяцами; после того как я его собрал, он мне сразу наскучил. И вот теперь я выволок его из кладовки в гостиную, часа два настраивал, а остаток дня грыз ногти. Ужин в горло не лез. В половине восьмого я уже сидел перед экраном, слушал и не слышал каких-то комиков и перебирал свою картотеку. Вошел папа, сурово глянул на меня и сказал:

— Возьми себя в руки, Кип. И не забывай, что статистика — против тебя.

Я сглотнул.

— Знаю, пап.

— Да по большому счету это и не важно. Если чего-то достаточно сильно желаешь, почти всегда получаешь. Я уверен, что рано или поздно ты попадешь на Луну — так или иначе.

— Да, сэр. Просто хочется, чтобы все скорее кончилось.

— Кончится. Эмма, ты идешь?

— Сейчас, милый, — отозвалась мама.

Она вошла в комнату и села, погладив меня по руке.

Папа откинулся в кресле:

— Ощущения, будто в ночь выборов.

— Как хорошо, что ты с этим развязался, — сказала мама.

— Да ну, радость моя? Тебе же нравилась каждая кампания.

Мама фыркнула.

Актеры ушли с экрана, сигареты станцевали канкан и прыгнули обратно в пачки, ласковый голос принялся вещать, что «канцерогенов не бывает в „Короне“ — безвредных, Безвредных, БЕЗВРЕДНЫХ сигаретах с табаком высшего качества». Тут включилась местная телестанция, показала нам захватывающий вид Сентервиллской деревообрабатывающей и металлообрабатывающей фабрики. Я начал выщипывать волоски с тыльной стороны кисти.

Экран заполнился мыльными пузырями; квартет пропел, что наступает «время „Звездного пути“». Будто мы и так этого не знали. Потом экран погас, звук исчез, а у меня остановилось сердце.

На экране появилась надпись: «Трансляция прервана по техническим причинам».

Я вскрикнул:

— Нет! Только не это!

— Прекрати, Клиффорд, — сказал папа.

Я заткнулся.

— Милый, — вмешалась мама, — ведь он еще мальчик.

— Он не мальчик; он мужчина. Кип, как ты собираешься смотреть в глаза расстрельной команде, если даже такая ерунда выбивает тебя из колеи?

Я пробормотал что-то невнятное.

— Отвечай четко.

Я сказал, что, в общем-то, не планировал встречи с расстрельной командой.

— Однажды тебе может понадобиться железная выдержка. Это хорошая тренировка. Попробуй переключиться на Спрингфилд.

Я попробовал, но на экране был сплошной снег, а звук напоминал кошачий концерт. Я переключился обратно.

«...ерал Брюс Гилмор, Военно-воздушные силы Соединенных Штатов, наш сегодняшний гость, чуть позже продемонстрирует нам прежде не публиковавшиеся снимки Федеральной Лунной базы и новорожденного Луна-Сити, стремительно развивающегося поселения на Луне. Сразу после объявления результатов конкурса мы попытаемся установить телевизионную связь с Лунной базой. Благодаря сотрудничеству с Космическим корпусом и...»

Я глубоко вздохнул и попытался замедлить сердцебиение — вот так же пытаешься успокоиться перед решающим штрафным ударом. Болтовня на экране продолжалась — представляли знаменитостей, объясняли правила конкурса, невероятно слащавые молодожены, глядя в камеру, рассказывали друг другу, почему они пользуются только мылом «Звездный путь». Наверное, сам я, продавая мыло, выражался убедительнее.

Наконец-то... На сцену парадным шагом вышли пять девушек, каждая держала над головой большой транспарант. Ведущий с благоговением провозгласил: «А теперь... теперь... победитель конкурса рекламных лозунгов мыла „Звездный путь“... получает приз... бесплатное путешествие НА ЛУНУ!»

У меня перехватило дыхание.

Девушки запели: «Мне нравится мыло „Звездный путь“, потому что...» и далее, одна за другой переворачивая транспаранты: «...это... чистота... звездного... неба!»



Я судорожно ворошил картотеку. Кажется, это мой лозунг... но нет уверенности... Немудрено, среди пяти-то тысяч... Наконец нашел — и вновь сверился с экраном.

Папа! Мама!  
Я выиграл!  
Я ВЫИГРАЛ!

### Глава 3

— Погоди, Кип, — буркнул папа. — Держи себя в руках.  
— Ах, милый... — сказала мама.

Я услышал ведущего: «...Представить вам счастливого победителя, миссис Ксению Донахью, из Грейт-Фолс, штат Монтана... Миссис Донахью!»

Под звуки фанфар просеменила маленькая пухленькая женщина. Я перечитал слова лозунга. Они совпадали с написанными на моей карточке.

— Пап, что случилось? Это же мой лозунг!  
— Дослушай.  
— Обманули!  
— Не ори. Дослушай.

— Как мы уже объясняли, в случае поступления одинаковых лозунгов выигрывает отправленный раньше. Если они отправлены одновременно, выигрывает тот, который раньше прибыл в жюри. Выигравший лозунг был прислан одиннадцатью конкурсантами. Все они получают призы. Сегодня вместе с нами в студии шестеро победителей. Они выиграли путешествие на Луну, экскурсию на космическую станцию, полет вокруг Земли на реактивном самолете, путешествие в Антарктиду...

Проиграл из-за штемпеля. Почтового штемпеля!

— К сожалению, мы не могли пригласить сегодня всех победителей. Но для остальных приготовили сюрприз. — Ведущий взглянул на часы. — Прямо в эту минуту в десятках домов по всей стране... прямо в эту секунду... раздается стук в двери счастливицков, любителей мыла «Звездный путь»...

Раздался стук. В нашу дверь.

Меня не держали ноги. Дверь открыл папа. На пороге стояли трое мужчин с огромным деревянным ящиком, и курьер «Вестерн юнион» пел гимн «Звездного пути». Кто-то из них спросил:

— Здесь живет Клиффорд Рассел?  
— Да, — ответил папа.  
— Распишитесь за доставку.



## СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЬ СКАФАНДР — ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ <i>Перевод Е. Беляевой, А. Митюшкина</i> .....	5
ТУННЕЛЬ В НЕБЕ. <i>Перевод А. Корженевского</i> .....	217
ВРЕМЯ ДЛЯ ЗВЕЗД. <i>Перевод М. Пчелинцева</i> .....	439
ЗВЕЗДНЫЙ ЗВЕРЬ. <i>Перевод М. Пчелинцева</i> .....	629